

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский

из улицы в улицу
у-
лица.
Лица
у
догов
годов
рез-
че.
че-
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнитесь в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.
Пестр, как форель,
сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули.
Тело жгут руки.
Кричи не кричи:
«Я не хотела!» –
резок
жгут
муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клок.
Лысый фонарь
сладострастно снимает
с улицы
черный чулок.
В АВТО
«Какая очаровательная ночь!»
«Эта,
(указывает на девушку),
что была вчера,
та?»
Выговорили на тротуаре
«поч-
перекинулось на шины
та».
Город вывернулся вдруг.
Пьяный на шляпы полез.
Вывески разинули испуг.
Выплювывали
то «О»,
то «S».
А на горе,
где плакало темно
и город

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

робкий прилез,
поверилось:
обрюзгло «О»
и гадко покорное «S».

УЛИЧНОЕ

В шатрах, истертых ликов цвель где,
из ран лотков сочилась клюква,
а сквозь меня на лунном сельде
скакала крашенная буква.
Вбиваю гулко шага сван,
бросаю в бубны улиц дробь я.
Ходьбой усталые трамваи
скрестили блещущие копыта.
Подняв рукой единый глаз,
кривая площадь кралась близко.
Смотрело небо в белый газ
лицом безглазым василиска.

ВЫВЕСКАМ

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.
А если веселостью песей
закружат созвездия «Магги» –
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.
Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!

ЗА ЖЕНЩИНОЙ

Раздвинув локтем тумана дрожжи,
цедил белила из черной фляжки
и, бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах, седой и тяжкий.
В расплаве меди домов полуда,
дрожанья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.
Вулканы-бедра за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татьей
ревниво взвились тупые стрелы.
Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ошипавши, с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.
Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
ударил злобно по ребрам крыши.

ТЕАТРЫ

Рассказ о взлезших на подмосток
аршинной буквою графишь,
и заывают в вечер с досок
зрачки малеванных афиш.
Автомобиль подкрасил губы
у блеклой женщины Карьера,
а с прилетавших рвали шубы
два огневые фокстерьера.
И лишь светящаяся груша
о тень сломала копыта драки,
на ветке лож с цветами плюша
повисли тягостные фраки.
КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ
Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиися губы

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

воткнули каменные соски.

И небу – стихши – ясно стало:

туда, где моря блещет блюдо,

сырой погонщик гнал устало

Невы двугорбого верблюда.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,

плеснувши краску из стакана;

я показал на блюде студня

косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы

прочел я зовы новых губ.

А вы

ноктюрн сыграть могли бы

на флейте водосточных труб?

Я

Я

По мостовой

моей души изъезженной

шаги помешанных

вьют жестких фраз пяты.

Где города

повешены

и в петле облака

застыли

башен

кривые выи, –

иду

один рыдать,

что перекрестком

распяты

городовые.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

Морей неведомых далеким пляжем

идет луна –

жена моя.

Моя любовница рыжеволосая.

За экипажем

крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая.

Венчается автомобильным гаражем,

целуется газетными киосками,

а шлейфа млечный путь моргающим пажем

украшен мишурными блестками.

А я?

Несло же, палимому, бровей коромысло

из глаз колодцев студеныя ведра.

В шелках озерных ты висла,

янтарной скрипкой пели бедра?

В края, где злоба крыш,

не кинешь блесткой лесни.

В бульварах я тону, тоской песков оваян:

ведь это ж дочь твоя –

моя песня

в чулке ажурном

у кофеен!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

У меня есть мама на васильковых обоях.

А я гуляю в пестрых павах,

вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.

Заиграет вечер на гобоях ржавых,

подхожу к окошку,

веря,

что увижу опять

севшую

на дом

тучу.

А у мамы больной

пробегают народа шорохи

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
от кровати до угла пустого.

Мама знает –
это мысли сумасшедшей ворохи
вылезают из-за крыш завода Шустова.
И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой,
окровавит гаснущая рама,
я скажу,
раздвинув басом ветра вой:

«Мама.
Если станет жалко мне
вазы вашей муки,
сбитой каблуками облачного танца, –
кто же изласкает золотые руки,
вывеской заломленные у витрин Аванцо?..»
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ
Я люблю смотреть, как умирают дети.
Вы прибоя смеха мглистый вал заметили
за тоски хоботом?

А я –
в читальне улиц –
так часто перелистывал гроба том.
Полночь
промокшими пальцами щупала
меня
и забитый забор,
и с каплями ливня на лысине купола
скакал сумасшедший собор.
Я вижу, Христос из иконы бежал,
хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.
Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
Отец мой!
Сжалься хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромою богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»
ОТ УСТАЛОСТИ

Земля!
Дай исцелю твою лысеющую голову
лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот.
Дымом волос над пожарами глаз из олова
дай обовью я впалые груди болот.
Ты! Нас – двое,
ораненных, загнанных ланями,
вздыбилось ржанье оседланных смертью коней.
Дым из-за дома догонит нас длинными дланями,
мутью озлобив глаза догнивающих в ливнях огней.
Сестра моя!
В богадельнях идущих веков,
может быть, мать мне сыщется;
бросил я ей окровавленный песнями рог.
Квакая, скачет по полю
канава, зеленая сыщица,
нас заневолить
веревками грязных дорог.
ИЩЕРПЫВАЮЩАЯ КАРТИНА ВЕСНЫ
Листочки.

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
После строчек лис –
точки.

Мы

Лезем земле под ресницами вылезших пальм
выколоть бельма пустынь,
на ссохшихся губах каналов –
дредноутов улыбки поймать.
Стынь, злоба!

На костер разожженных созвездий
взвесь не позволю мою одичавшую дряхлую мать.
Дорога – рог ада – пьяни грузовозов храпы!
Дымящиеся ноздри вулканов хмелем расширь!
Перья линиящих ангелов бросим любимым на шляпы,
будем хвосты на боа обрубать у комет, ковыляющих в ширь.
ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ

По эхам города проносятся шумы
на шепоте подошв и на громах колес,
а люди и лошади – это только грумы,
следящие линии убегающих кос.
Пронесут девоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесет грузовоз.
Рысак прошуршит в сетчатой тунике.
Трамвай расплещет перекаты гроз.
Все на площадь, сквозь туннели пассажей,
плывут каналами перекрещенных дум,
где мордой перекошенный, размалеванный сажей
на царство базаров коронован шум.

ЛЮБОВЬ

Девушка пугливо куталась в болото,
ширились зловеще лягушечьи мотивы,
в рельсах колебался рыжеватый кто-то,
и укорно в буклях проходили локомотивы.
В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветряной мазурки,
и вот я – озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает – окурки!
Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепеке
пьяные вина в меха-груди,
дождь – поцелуи в угли-щеки.

АДИЩЕ ГОРОДА

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.
А там, под вывеской, где сельди из Керчи –
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечерующем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки.
В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз, –
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.
И тогда уже – скомкав фонарей одеяла –
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.

Комментарии

Из улицы в улицу. Впервые – листовка «Пощечина общественному вкусу», М., 1913 (вышла в феврале); затем в сб. «Требник троих», М., 1913 (вышел в марте), под заглавием «Разговариваю с солнцем у Сухаревой Башни».

В стихотворении «Из улицы в улицу» поэт впервые обращается к теме человека, поработанного вещами. Эта тема найдет свое продолжение в трагедии «Владимир Маяковский» и по-новому будет решена в «Мистерии-буфф».

Фокусник рельсы тянет из пасти.. – «Вспоминая впоследствии, при каких обстоятельствах возникли у него некоторые художественные образы, поэт указал

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru относительно одного из образов стихотворения «Из улицы в улицу»: «Трамвай от Сухаревой башни до Срет. ворот. 13 г.» («Как делать стихи?»). Вероятно, тогда же возник и образ «фокусника». Если Маяковский ехал, как он говорит, от Сухаревой башни, то, стоя на задней площадке трамвайного вагона, он и видел рельсы, которые как бы «тянет» кто-то от вагона в направлении башни» (Г. С. Черемин. «Ранний Маяковский», стр. 62).

В авто. Впервые – кн. «Все сочиненное Владимиром Маяковским (1909–1919)», Пг., изд. «ИМО», 1919.

Стихотворение написано предположительно в 1913 году.

Уличное. Впервые, без заглавия, – альм. «Садок судей», т. II, (Пб., 1913).

...а сквозь меня на лунном сельде скакала крашенная буква. – Иногда вещи, которые человеческий глаз привык воспринимать в состоянии покоя, у раннего Маяковского изображаются в вихревом движении: бегут дома, сбегаются окна, извещая о начале азартной игры, не отстают и вывески. «Динамизм» вещей иногда мотивируется восприятием их с движущейся точки (см. «В авто» и др).

Вывескам. Впервые, без заглавия, – сб. «Требник троих», М., 1913.

В стихотворении дано не только чисто зрительное восприятие городского «пейзажа», но – и это главное – символ человеческого труда.

Созвездие Магги» – световая реклама с изображением звездочек, составленных из кубиков бульонного экстракта, выпускаемого фирмой «Магги».

За женщиной. Впервые, без заглавия, – сб. «Требник троих», М., 1913.

При публикации четвертое четверостишие, в котором у поэта возникают богоборческие мотивы, очевидно, по требованию цензуры было заменено строками точек.

Театры. Впервые, без заглавия, – сб. «Требник троих», М., 1913.

Э. Каррьер – французский художник конца XIX века, писавший картины в блеклых тонах.

Кое-что про Петербург. Впервые, без заглавия, – сб. «Требник троих», М., 1913.

А вы могли бы? Впервые, без заглавия, с переставленными четверостишиями, – сб. «Требник троих», М., 1913.

Писатель Андрей Платонов отмечал: «Всякий человек желает увидеть настоящий океан, желает, чтобы его звали любимые уста, и прочее, но необходимо, чтобы это происходило в действительности. И только в великой тоске, будучи лишенным не только океана и любимых уст, но и других, более необходимых вещей, можно заменить океан – для себя и читателей – видом дрожащего студня, а на чешуе жестяной рыбы прочесть «зовы новых губ» (может быть, здесь поэт имел в виду и не женские губы, но тогда дело обстоит еще печальнее, губы зовущих людей, разгаданные в жесте, подчеркивают одиночество персонажа стихотворения). И поэт возмещает отсутствие реальной возможности видеть мир океана своим воображением. При этом воображение поэта столь мощно, что он приобретает способность видеть сам и показывать читателям океан и зовущие губы посредством самых «неподходящих» предметов.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб? –

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru заканчивает поэт стихотворение. Он вынужден был сыграть этот ноктюрн на том инструменте, который был у него «под руками», хотя бы на водосточной трубе, – и он сумел сыграть его. Для плохого музыканта нужно много условий, чтобы он создал произведение, большой же музыкант при нужде сыграет пальцами на полене, и все же его мелодия может быть слышна и понята» (А. Платонов. Величие простых сердец. М., «Московский рабочий», 1976, стр. 353–354).

Я
Я (По мостовой моей души...). – Это стихотворение и следующие три «Несколько слов о моей жене», «Несколько слов о моей маме». «Несколько слов обо мне самом» – составляют цикл, которым вошел в первый литографированный сборник стихов Маяковского «Я» (М., 1913).

А. М. Горький одобрил эту книгу. «Вот возьмите для примера Маяковского – он молод, ему всего 20, он криклив, необуздан, но у него, несомненно, где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи. Я читал его книжку стихов. Какое-то меня остановило. Оно написано настоящими словами» («Журнал журналов», 1915, № 1, стр. 4).

Несколько слов о моей маме. Аванио – магазин художественных изделий на Кузнецком мосту в Москве.

Несколько слов обо мне самом. – Я люблю смотреть, как умирают дети. – В воспоминаниях одного из современников Маяковского читаем об их разговоре в 1928 году:

«Мы шли уже, кажется, по улице Дзержинского. Из школы выбегали дети... Очевидно, у них вечер был, или это была вторая смена. Маяковский остановился, залюбовался детьми. Он стоял и смотрел на них, а я, как будто меня кто-то дернул за язык, тихо проговорил:

– «Я люблю смотреть, как умирают дети».

Мы пошли дальше.

Он молчал, потом вдруг сказал:

– Надо знать, почему написано, когда написано и для кого написано... неужели вы думаете, что это правда?» («Маяковскому. Сборник воспоминаний и статей». Л., ГИХЛ, 1940, стр. 180–181).

От усталости. Впервые – сб. «Дохлая луна», М., 1913, осень.

Исчерпывающая картина весны. Впервые, под заглавием «Весна», – сб. «Дохлая луна», М., 1913, осень.

Мы. Впервые – сб. «Дохлая луна». М., 1913, осень.

Шумики, шумы и шумици. Впервые, без заглавия, – сб. «Дохлая луна». М., 1913, осень.

Любовь. Впервые – сб. «Дохлая луна», М., 1913, осень.

Лирический герой ранней поэзии Маяковского предстает перед нами огромным существом, человеком, которому душно и тесно в городе-тюрьме. Своим «отцом» он считает солнце, своей «женой» луну, а землю «любовницей».

Поэт начинает пристальнее вглядываться в окружающий городской пейзаж, в лица и души людей, задавленных городом-спрутом, пытается найти выход из этого положения: «Бросьте города, глупые люди!»

Адище города. Впервые, под заглавием «Зигзаги в вечер», – сб. «Молоко кобылиц»,
Страница 7

Стихотворения (1913). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru М., 1914 (вышел в конце 1913).

«Адище города» – подобное восприятие жизни капиталистического города было характерно для пролетарских писателей и поэтов, для художников критического реализма. Капиталистический «город желтого дьявола» (М. Горький) был враждебен рабочему человеку.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!